

Научная статья

УДК 811.161.1

DOI 10.17223/18137083/79/19

Семантика и прагматика высказываний с эмотивными предикатами

Елена Николаевна Никитина¹
Надежда Константиновна Онипенко²

¹ Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление»
Российской академии наук
Москва, Россия

² Институт русского языка им. В. В. Виноградова
Российской академии наук
Москва, Россия

¹ yelenon@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6207-8693>
² onipenko_n@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0623-5324>

Аннотация

Обсуждается проблема речевого воздействия посредством высказываний, организованных каузативно-эмотивными глаголами (типа *удивлять* – *удивить*, *огорчать* – *огорчить*), в интернет-общении и в традиционном диалоге. Функционально-прагматический потенциал этих глаголов реализуется в зависимости от значений времени, модальности, лица: (1) в рекламных слоганах, (2) в активных интернет-ссылках-заголовках, (3) в проспективной риторической стратегии и (4) в ретроспективной речевой стратегии. Эмотивная составляющая семантики этих глаголов в соединении с акциональностью, присущей речевым актам, обладает манипулятивным потенциалом. Это проявляется в (1–2) побуждении адресата к действию за счет обещания приятной эмоции, (3) мыслимом говорящим управлении эмоцией адресата, (4) декларативно-эмотивном воздействии на адресата.

Ключевые слова

семантика глагола, русский каузативно-эмотивный глагол, конструкция, акциональность, речевой акт, перфект, личные формы глагола

Благодарности

Работа поддержана Министерством науки и высшего образования Российской Федерации, проект № 075-15-2020-799

Для цитирования

Никитина Е. Н., Онипенко Н. К. Семантика и прагматика высказываний с эмотивными предикатами // Сибирский филологический журнал. 2022. № 2. С. 271–285. DOI 10.17223/18137083/79/19

© Никитина Е. Н., Онипенко Н. К., 2022

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2022. № 2. С. 271–285
Siberian Journal of Philology, 2022, no. 2, pp. 271–285

Semantics and pragmatics of statements with psych verbs

Elena N. Nikitina ¹, Nadezhda K. Onipenko ²

¹Federal Research Center “Computer Science and Control”
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

²Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

¹ yelenon@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6207-8693>

² onipenko_n@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0623-5324>

Abstract

The paper considers Russian causative (transitive) psych verbs with semantics of state and action, such as *udivlyat'* – *udivit'* (to surprise), *ogorchat'* – *ogorчит'* (to upset). Also, the authors discuss how the speech of Internet communication and traditional dialogue influences the addressee by means of the statements comprising the verbs concerned. An analysis was made of such statements as: (1) advertising slogans (imperative mood); (2) active Internet links-headlines (past perfect tense with the 3rd person causer); (3) prospective rhetorical strategy (the simple future form with the 1st person causer and 2nd person causer); (4) a retrospective speech strategy (the present tense with 2nd person causer and the 1st person causer). Being used in special illocutionary acts, the statements in question feature different aspects of action and state depending on communicative conditions. The study has revealed a distinct perfect meaning in the actual present tense of causative psych verbs. Expressing non-descriptive (non-ascertaining) meaning, the statements are similar to speech acts. Emotive component of the psych verbs under study combined with inherent agentive one of speech acts has a manipulative potential on addressee that is realized in: (1) the urge to buy through the promise of a pleasant emotion; (2) the urge to click links through the implicit promise of emotion; (3) the speaker's mental control of the addressee's emotions; (4) the declarative-emotional influence on the addressee to induce him/her to change his/her behavior. Causative psych verbs function as a powerful argument allowing the speaker to appeal to the emotional sphere of addressee.

Keywords

semantics of verb, Russian causative psych verb, construction, action, speech act, perfect, personal forms of verb

Acknowledgements

The work was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, project no. 075-15-2020-799

For citation

Nikitina E. N., Onipenko N. K. Semantics and pragmatics of statements with psych verbs. *Siberian Journal of Philology*, 2022, no. 2, pp. 271–285. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/79/19

Предметом настоящей статьи является русская синтаксическая конструкция с каузативно-эмотивными предикатами в следующих формах: повел. н. сов. в. – *Удивите коллег загаром*; прош. вр. сов. в. – *Басков удивил поклонников новым костюмом*; простое буд. 1-го лица / модальная модификация *Огорчу / должен вас огорчить, (но)...*; наст. вр. 2-го лица – *Ты меня удивляешь*. Конкретные варианты лично-временной и модальной реализации и особенности функционирования конструкции были выявлены при обследовании контента соцсетей.

Важнейшей синтаксической характеристикой каузативно-эмотивной конструкции является ее двусубъектность, т. е. наличие в конструкции субъекта воздействия (каузатора) и субъекта эмоционального состояния. При функционировании каузативно-эмотивных предложений в третьеличном нарративе они представляют собой дескриптивные высказывания; попадая в ситуацию диалогического общения, они занимают промежуточное положение между дескриптивными высказываниями (констативами) и речевыми актами, т. е. между описанием действительности и изменением действительности (часто воздействием на нее). Дополнением к этим двум семантико-прагматическим характеристикам становятся риторичность и манипулятивность.

1. Краткая характеристика каузативно-эмотивных глаголов

К каузативно-эмотивным глаголам относятся переходные глаголы с семантикой эмоционального состояния, каузированного извне (*пугать – испугать, удивить – удивлять, радовать – обрадовать* и др.). Например: *Ее радуют дети*. Особые грамматические свойства каузативно-эмотивных глаголов позволяют говорить об их неакциональности, т. е. о том, что они не обозначают действия. Так, в отличие от глаголов действия, каузативно-эмотивные (переходные) глаголы не образуют страдательно-залоговых корреляций с возвратными эмотивами, ср.: *Его радуют дети – Он радуется успехам детей* (но не: **радуется детьми*). Позицию Им. п. обычно занимают пропозитивные имена, а не агентивные (личные) – см. [Арутюнова, 1976]. Формы повелительного наклонения не имеют стандартного значения побуждения (которое характерно для глаголов действия): *?Огорчи его / Огорчай его*. Перечисленные свойства каузативных эмотивов обусловлены их категориальным значением: семантика состояния, выражаемая этими глаголами, нередко мотивирована семантикой именных предикатов состояния (*Я рад – Меня радует..., Мне обидно – Меня обижает...*), словообразовательной производностью от именных корней (*ужасать, злить, печалить* и др.), от которых «наследуются» определенные семантические свойства – личность субъекта состояния, отсутствие временной перспективы и внутренней предельности. Состояние, обозначаемое каузативными эмотивами, является результатом ненамеренной каузации: оно не зависит от воли каузатора.

Для каузативных эмотивов характерна определенная семантическая и грамматическая специализация (по сравнению с их возвратными коррелятами), связанная с категориями причины, субъекта чувствующего и времени. Так, высказывания с каузативно-эмотивными предикатами имеют фокус на причине состояния (в отличие от периферийного положения причины в высказываниях с возвратными эмотивами). Субъект чувствующий, который при переходном глаголе выражается Вин. п., имеет тесную связь с 1-м лицом: о собственной эмоции, переживаемой в момент речи (форма наст. вр.), мы обычно заявляем посредством каузативных эмотивов и гораздо реже с помощью возвратных, ср.: *Меня это возмущает – ?Я возмущаюсь этому / этим*. Аргументом в пользу перволичности субъекта чувствующего каузативных эмотивов является и тот факт, что позиция субъекта чувствующего, особенно в форме наст. вр., часто представлена значимым отсутствием, т. е. «синтаксическим нулем» (что характерно для 1-го лица): *Это возмущает* (= *Меня это возмущает*). Для каузативных эмотивов типична как актуальная, так и неактуальная временная локализованность – в отличие от воз-

вратных эмотивов, для которых характерна неактуальная временная локализованность (СГСРГ¹).

Хотя каузативные эмотивы относятся к неакциональным глаголам, они характеризуются сложным переплетением именной (статуальной) и глагольной (акциональной) составляющих, что создает проблему как при словарном, так и при грамматическом описании (см. [Иорданская, 1970; Падучева, 2004; Апресян, 2015] и др.). Проявления определенных акциональных либо статуальных свойств данных глаголов могут быть связаны с их употреблением в особых речевых условиях. Далее речь пойдет о каузативно-эмотивной конструкции в условиях речевого акта с «неканоническим» заполнением позиции каузатора – личным местоимением, личным именем.

2. Речевое воздействие в интернет-общении

2.1. Императивы совершенного вида

Известно, что для неакциональных глаголов нехарактерно употребление в побудительных предложениях и что появление императивов от таких глаголов предполагает добавочные значения – ср. у А. А. Шахматова (1925–1927) «предостерегательное» наклонение с отрицанием: *Не упади! Не ушибись!* [Шахматов, 2001]². Это в полной мере относится к каузативным эмотивам. Высказывания с отрицанием при эмотивных императивах несов. в. означают совет, что связано с этической составляющей их семантики (типовым представлением о поступках, вызывающих ту или иную негативную эмоциональную реакцию): *Не гневи Бога, не обижай ребенка, не оскорбляй*. За ними стоят акциональные глаголы (обозначающие те действия, которые могут каузировать эмоциональное состояние): *не жалуясь на судьбу, не отнимай игрушку у ребенка, не говори грубых слов* и т. п. Ср. также этикетные эвфемизмы *Не обижай(те)* = «Забери(те) деньги» в ситуации, когда человек отказывается от денег. И наоборот: *Не обидь* может означать «расплатись, заплати хорошо». Тем самым в речи говорящего адресат императивных высказываний (2-е лицо) предстает потенциальным каузатором предполагаемого нежелательного состояния третьих лиц. Эвфемизация действия (например, выражаемого глаголом *расплатиться*), подразумеваемого в побудительном речевом акте, повышает степень акциональности эмотивного глагола.

Сокрытие семантики действия под эмотивным императивом стало речевым приемом в интернет-рекламе. Каузативные эмотивы могут выступать в качестве аргументирующего предиката в соединении с другим, акциональным предикатом:

***Купи, и обрадуй* свою вторую половинку.**

***Купи и удиви* своих друзей!**

Эти предложения можно заменить синонимичным сложноподчиненным предложением с придаточным условия: «Если хочешь обрадовать / удивить..., то купи...». Автор своим высказыванием каузирует действие адресата-агенса, а он, в свою очередь, получает возможность каузировать эмоцию третьих лиц, для которых предназначена покупка.

¹ Информационно-поисковая система «Семантико-грамматический словарь русских глаголов». URL: <http://lexrus.ru/default.aspx?p=3250> (дата обращения 06.04.2021).

² Ср. идею Ю. Д. Апресяна о появлении модальных значений в повел. н. от глаголов состояния [Апресян, 2003, с. 17–18].

Те же речевые действия могут быть выражены в предложении с одним императивом – эмотивным:

Порадуй себя весенними обновками!
Удиви всех своей сумкой.
Удиви коллег загаром.

Такие предложения обещают адресату положительную эмоцию и являются результатом сокращения конструкции с двумя императивными предикатами – акциональным и эмотивным. Творительным падежом выражается способ достижения обещанной эмоции – в данных примерах он разворачивается до констатирующего предиката: *купи сумку, обновку, сеанс в солярии*. Продавец аргументирует необходимость покупки обещанием эмоциональной реакции самого покупателя или его окружения, т. е. навязывает и покупку, и желание достичь эмоции (*порадуй себя*) или доставить эмоцию (*порадуй других*), и само качество эмоции, которая должна последовать за покупкой. См. также «продающие слоганы» интернет-магазина:

Порази своего мужчину.
Порадуй друзей и коллег.

По той же схеме (аргументирующая эмоция) могут строиться анонсы и заголовки обучающих интернет-текстов:

Удивите своих родных и гостей полезным и простым в приготовлении, но необычным капустным гарниром (А. Сафонов. Хит-парад лекарственных продуктов 1999);

Удиви всех декором стен своими руками (интернет-ресурс).

2.2. Прошедшее время совершенного вида

Формы прош. вр. при каузативных эмотивах сов. в. с перфектным значением также становятся средством рекламного воздействия на читателя интернет-контента. См. примеры заголовков – активных ссылок ³:

*Маленький сын Преснякова **умилил** сеть;*
*Двойник Джека Воробья из Москвы **озадачил** соцсети;*
*Богомол **восхитил** россиян роликом с мокрой Собчак.*

Они выполняют особую композиционную роль, находясь в сильной авторской позиции. Эти предложения-заголовки характеризуются следующими семантико-грамматическими чертами, отличающими их от канонических эмотивных высказываний: (1) субъектом приписываемого каузированного состояния выступает не отдельная личность, а неконкретно-референтное множество субъектов; (2) автор высказывания не принадлежит к этому множественному субъекту, дистанцирован от него; (3) позиция каузатора занята именем популярной персоны или словами, представляющими его личную сферу. Тем самым по признаку индивидуности / неиндивидуности именных компонентов конструкции данные предложения являются семантическими «перевертышами» канонических эмотивных высказываний с личным (индивидуальным) субъектом чувствующим и пропозитивным каузатором.

---

³ См. также [Магеррамов, 2011] о моде 2000-х гг. на неречевые глаголы в заголовочно-интродуктивной роли в газетных текстах.

Эти предложения являются способом ввода речи, мнений, реакций пользователей соцсетей на действия популярных персон. Автор эмотивного заголовка интерпретирует речевую реакцию множества пользователей, оставляющих комментарии к посту поп-персоны, и мотивирует читателя перейти по ссылке: эмотивное высказывание в скрытом виде обещает читателю приобщение к названной в заголовке эмоции. Эмотивность данных заголовков носит мнимый характер и обусловлена, во-первых, неконкретно-референтным статусом субъекта чувствующего (испытывание эмоции индивидуально) и, во-вторых, тем, что такой заголовок нередко предъясвляет лишь одну из эмоциональных реакций (в то время как в комментариях представлены реакции и позитивные, и негативные). Предельным случаем авторского «произвола» становится ситуация, в которой пользователи соцсетей не выразили никакой реакции на действие поп-персоны. Так, заголовок *Канакина восхитила поклонников фото в комбинезоне* предшествует тексту, в котором отсутствует какое-либо упоминание о поклонниках и их впечатлениях.

По обращению к эмоциональному аргументу – прямому в форме повел. н. и косвенному в форме прош. вр. сов. в. в заголовках – продающие слоганы и активные интернет-заголовки сближаются.

3. Речевое воздействие в диалоге

3.1. Я-каузатор

(1-е лицо будущего времени совершенного вида)

Стандартным заполнением позиции каузатора является пропозициональное существительное: *Его приезд меня удивил*. Речевой материал показывает, что в определенных диалогических условиях встречается 1-е лицо каузатора:

Ну так я Вас и тут разочарую: Вы опять перепутали (форум 2008).

Конструкция в форме простого буд. вр. с Я-каузатором и субъектом состояния 2-го лица появляется в двухчастном полипредикативном предложении. Первая часть содержит каузативный эмотив и не является семантически достаточной: она предваряет вторую часть, несущую информацию, ради которой и создается высказывание. Каузация эмоции осуществляется субъектом речи посредством самого содержания речи, что может быть представлено двумя соположенными предикатами – эмотивным и речевым:

Может быть, огорчу вас, сказав, что не читаю ни Улицкую, ни Акунина, ни Толстую, которых читают все (Ф. Чеханков 2002).

Речевой глагол, как правило, опускается, и каузативный эмотив в форме будущего простого прочитывается в связи с речевым действием⁴. Как след от речевого глагола на эмотиве остается семантика акциональности. Эмотивная конструкция становится эмотивно-речевой модусной рамкой⁵ – ср. известный прием использования возвратных эмотивных глаголов на месте речевых в постпозитив-

---

⁴ См. также об исторической смене речевой рамки от *признаюсь* к *признаюсь* (XIX–XX вв.) – от формы наст. вр., иконически выражающей процесс рефлексии по поводу собственной речи, к форме буд. вр., иконически предъясвляющей процесс управления вниманием адресата [Никитина, 2013].

⁵ О типах модуса см. [Арутюнова, 1988].

ных словах автора при прямой речи («*Неужели?*» – *удивилась она*). Сама конструкция с каузативным эмотивом становится определенным риторическим и манипулятивным приемом: говорящий сознает, что содержание его речи может каузировать определенное состояние адресата, и предваряет свою речь, заранее ставя в известность адресата о характере сообщаемого, тем самым использует рамку в катафорической функции, см.:

*поэтому если вы думаете что засланные казачки работают в ютубе и удаляют ваши комменты я вас **разочарую** это невозможно так как их вычислят и уволят в течении нескольких дней* (Пикабу 2020).

Эмотивный предикат часто выступает в связи с модальным словом, которое усиливает акциональную семантику рамочной конструкции, связанную с речевым модусом. Такие модальные слова, как *придется*, *вынужден*, *хочу*, всегда маркируют наличие внутреннего контроля со стороны субъекта речи:

*Придется тебя **огорчить**. Я обыкновенный инженер на обыкновенном автозаводе. Не миллионер, не банкир и не звезда экрана* (А. Маринина. Мужские игры 1997).

Говорящий может усиливать риторический потенциал модально-речевой рамки, связывая в одной конструкции эмотивные лексемы разной полярности:

*Но **хочу** вас **успокоить** или **обеспокоить**: со мной это не пройдет, я с вас просто так не слезу!* (С. Шикера. Стень 2009).

Данный тип употребления эмотивных глаголов востребован сегодня (в частности, в сетевом общении) и свидетельствует о тенденции к разрастанию субъективной составляющей высказывания. Это резко отличает рассматриваемую конструкцию от других средств вербализации модуса: для модуса естественно существование в высказывании в виде «маленьких» вводных слов (*по-видимому*, *наверное*, *очевидно*, *к счастью* и т. п.). Одним из путей образования вводных слов было сокращение модусной рамки (XVIII–XIX вв.) [Шахматов, 2001; Кузнецова, 2017] – от главного предложения в составе сложноподчиненного с придаточным изъяснительным к вводному слову. По-видимому, своеобразное «сжимание», зафиксированное в текстах прежде всего художественной литературы, претерпело выражение ментальных модусов (знания, мнения) и эмотивного, а рассматриваемая конструкция соединяет эмотивный модус с речевым и характерна для Я-дискурса, речевых жанров, в которых субъект речи настойчиво заявляет о своей значимости. Риторический характер конструкции (связанный с многословием) вполне согласуется с ее количественным увеличением. Ср. также удлинение рамки, соединяющей глаголы речи и эмоции: *Надеюсь, что не разочарую / не обижу..., если скажу...*

Примеры общения современных чиновников с частными лицами показывают, что субъектом речи, облеченным властью, в качестве излюбленного риторического приема избирается эмотивно-речевая рамка позитивной окраски:

*Могу **обрадовать** красногорцев – строительство развязки идёт в хорошем темпе* (депутат М. Маккум);

*Я **могу обрадовать** дольщиков: я внёс поправку о том, как ускорить этот процесс, в правительство* (М. Хуснуллин).

Для эмотивно-речевой каузативной конструкции частотным является союз *но* в особом иллокутивном употреблении (об иллокутивном употреблении союзов см. [Пекелис, 2013]). Появление союза *но* обусловлено негативной или амбивалентной семантикой эмотивного глагола:

и может вас удивлю, но их родители далеко не всегда пьяницы (Пикабу 2020).

Союзом *но* в данном случае говорящий устанавливает несоответствие речевому этикету содержания, которое он намеревается сообщить. Иллокутивная сущность союза *но* доказывается возможностью восстановить речевой глагол во втором предложении и союз *хотя* или *несмотря на то что* в первом: *Хотя не хочу обидеть, но (все-таки) скажу...* Восстанавливая речевой глагол, мы обнаруживаем уступительные отношения в составе модусной рамки – между ментальной и речевой ее частями: «хотя понимаю, что обижу / огорчу / разочарую, сказав, ..., но говорю...»:

Не хочу вас расстраивать, но скажу, как есть, самая страшная зона в Нижегородской области (Форум 2009–2011).

Тем самым автор речи как будто разыгрывает следующую ситуацию: при колебании между возможностью сказать неприятное для адресата или промолчать выбирается вариант – сказать, так как сообщаемое содержание мыслится как истина, как нечто более значимое, чем речевой этикет; союз *но* маркирует переход от менее значимого к более значимому, ср. афоризм «Платон мне друг, **но** истина дороже». Об идее иерархии, предъявляемой с помощью союза *но*, см. [Санников, 2008; Ониненко, 2009].

Риторическая игра усиливается в случае распределения ролей между говорящим и адресатом как всезнающей персоны и невежды, неопита. Эти роли могут не соответствовать реальному положению дел (никто не огорчен, не расстроен, не разочарован), а являются лишь мыслительной конструкцией говорящего:

*Какие свойства характеризуют вещество? Энергия, скажете вы, масса, объем и мера влияния (сила). К сожалению, **должен огорчить** вас: энергия – весьма относительное понятие* (В. Околотин. Привычные парадоксы механики 1975).

См. также пример с ролями торжествующего автора и поверженного адресата:

*Уважаемые книголюбы. Наблюдатели и прочие. **Хочу Вас огорчить**, что мои книги покупают, несмотря на ваше суждение о завышенности* (Форум 2004–2006).

Эмотивный модус может быть выражен вводным словом *к сожалению*, употребление которого в определенных диалогических условиях обнаруживает особую речевую тактику говорящего.

Помимо случаев реального сожаления говорящего, каузированного извне и испытываемого только самим говорящим:

К сожалению, я никогда не бывал на море,

есть такие употребления *к сожалению*, которые следует рассматривать в связи с проблематикой *Я*, дающего отказ и каузирующего негативное эмоциональное состояние адресата:

Гид встретил меня в вестибюле отеля, пожурил за пренебрежение достопримечательностями и предложил вечером катерную экскурсию. – К сожалению, не могу, я уже приглашена моими здешними друзьями (Е. Тюгаева. Ворота в мир 2011).

Поскольку при слове релятивной семантики позиция субъекта остается незамещенной, возникает вопрос: испытывает ли сожаление говорящий? Если прочитывать фразу этикетно, то отказ говорящего каузирует сожаление в адресате, а говорящий обнаруживает сочувствие адресату. Однако часто говорящий далек от реального сожаления, см. посттекст примера выше, обосновывающий отказ героини от приглашения: «Не хотелось тратить легкость, которая поселилась во мне сразу после беседы с интерполовцами...». См. также знаменитый диалог Максудова с Рвацким («Театральный роман» М. А. Булгакова): писатель на заверения жуликоватого издателя заплатить деньги «позже» дважды отвечает: «К сожалению, не могу (подписать договор)». В случае, когда отказ говорящего обусловлен нежеланием действовать в ущерб себе либо негативной позицией по отношению к адресату, невозможно говорить об эмпатии говорящего, а единственным претендентом на роль субъекта состояния оказывается адресат.

В связи с этим см. примеры из современной речи с демонстративным заполнением местоимением 2-го лица позиции субъекта чувствующего, превращающие эмотивное вводное слово в инструмент риторики:

К вашему сожалению я ещё жива (интернет-ресурс).

См. примеры из сетевого общения официальных лиц с гражданами:

К Вашему сожалению, приёмная комиссия в воскресенье не работает (интернет-ресурс).

Обращает на себя внимание то, что в ситуации сетевого общения говорящий и адресат могут быть разведены во времени и пространстве, адресат часто неконкретно-референтный (множественная аудитория интернет-ресурсов), что, вероятно, приводит к неличностной интерпретации говорящим собственного адресата. Наблюдения за представленными эмотивными конструкциями обнаруживают образ современного говорящего – агрессивный и самоуверенный; говорящий претендует не только на внимание, время и чувства адресата, но и на «надстояние» над ним, подчеркивая отсутствие эмоциональной солидаризации с адресатом.

3.2. Ты / вы-каузатор (2-е лицо настоящего времени)

Каузативно-эмотивные предложения наст. вр., соединяющие 2-е лицо каузатора и 1-е лицо субъекта чувствующего, предьявляют версию высказывания, в котором роли субъекта речи и субъекта чувствующего выполняются одним лицом (личностью).

Высказываниям с Я-субъектом состояния в актуальном времени придается особое значение в социологии и исторической антропологии, изучающих способы выражения эмоции в разных культурах. Здесь принято разграничение эмоции и мотива как чувства и слова, с помощью которого говорящий, выражая свое эмоциональное состояние, обнаруживает то, что недоступно наблюдению других, «выражает невыразимое», т. е. собственное чувствование. При этом антропологи считают, что в осмыслении эмоции основную роль играет слово: только посредством выбора говорящим-чувствующим определенного языкового средства и названия испытываемая эмоция оформляется и конкретизируется. Тем самым об-

наруживается особый, недескриптивный характер английских эмотивов (*I am afraid of ...* «Я боюсь»), что позволяет сравнивать их с перформативами; при этом отмечается, что эмотивные высказывания 1-го лица актуального наст. вр. обладают дескриптивным оформлением, особой иллокуцией («нацеленностью на отношения»), «эффектом самопознания» [Reddy, 1999, p. 267–268].

Рассматривая каузативно-эмотивные *Я*-высказывания в актуальном времени в связи с их недескриптивными свойствами, мы добавляем такой фактор, как совпадение в одном лице адресата высказывания и каузатора эмоции.

В том случае, когда позиция каузатора занята местоимением 2-го лица, а субъекта состояния – местоимением 1-го лица, высказывание представляет собой заявление (своеобразный декларатив), к которому критерий истинности / ложности неприменим, так как состояние познается изнутри (оно может быть подвергнуто сомнению со стороны, но не опровергнуто):

Он усмехнулся. – Чувствуете вкус огня?! Она хохотнула: – Брянчин, вы меня удивляете! (В. Аксенов. Тайнственная страсть 2007);
ваш профессионализм меня шокирует!! (Пикабу 2020).

Декларатив здесь понимается не в смысле одного из типов перформативов, а как высказывание, с одной стороны, противопоставленное перформативам, с другой – дескриптивам. В отличие от дескриптивного употребления, описывающего ситуацию, данные каузативно-эмотивные конструкции имеют своей целью эмоциональное реагирование говорящим на действия адресата и их оценку, за этим заявлением ожидается речевая или неречевая реакция адресата (оправдание, изменение характера действий и т. п.).

В конструкции с *ты*-каузатором используется глагол несов. в. (наст. вр.), при этом настоящее прочитывается актуально, а не узуально. Ср. с узуальным значением в примере

Некоторое время она стояла молча, затем вздохнула, шагнула ко мне и крепко обняла. – Я тоже тебя очень люблю, Артурчик. Но ты меня так расстраиваешь... (Л. Каганов. Танкетка 2011).

Доказательством недескриптивности подобных высказываний является изменение их временной характеристики в позиции придаточных изъяснительных⁶: *Он сказал, что ты его удивляешь* – значение узуального настоящего (а не актуального).

Недескриптивность эмотивных высказываний с *Я*-каузатором позволяет сравнивать их не только с перформативами, но и с междометиями. С перформативами их роднит актуальное время, *Я*-субъект (состояния), адресованность, а также цель («изменить мир»); с междометиями – недескриптивное выражение сиюминутной эмоции, принадлежащей *Я*, реактивность. В отличие от перформатива, реально меняющего мир (слово как действие), эмотивные декларативы в скрытом виде содержат стремление изменить мир посредством воздействия на адресата, что можно сравнить с волеизъявлением; воздействие на адресата выражается сообще-

---

⁶ Ср. о невозможности перевода в шаблон косвенной речи определенных типов высказывания, в частности «эмоционально-аффективных элементов речи, поскольку они выражаются не в содержании, а в формах высказывания, не переходят в этом же виде в косвенную речь» [Волошинов, 1993, с. 136–138], о неперепоподчиняемости «первичных эгоцентриков» [Падучева, 1996, с. 265–271].

нием о собственной (часто негативной) эмоции. Их отличие от междометий, которые являются наиболее прямым, простым способом речевого выражения эмоций в актуальном времени, что было названо «фразоидами непосредственной реакции» [Теньер, 1988]), состоит в отсутствии у междометий целеполагания – это просто эмотивная реакция – «от мира к человеку».

Эмотивные глаголы, как и глаголы оценки и интерпретации, не имеют процессуального значения, поэтому актуальное настоящее сближается с прошедшим, имея ретроспективный характер и приобретая перфектную семантику. Перфектность в семантике настоящего времени была описана Е. В. Падучевой применительно к оценочно-интерпретационным глаголам (типа *Ты, Зин, на грубость **нарываешься***) и квалифицирована как «нетривиальное» значение наст. вр. [Падучева, 2004].

С перфектностью (и ретроспективностью) связано такое свойство эмотивного декларатива, как неакциональность, т. е. отсутствие контроля со стороны каузатора и субъекта состояния. Перфектность и неакциональность выводят на первый план субъекта чувствующего (в косвенном падеже – Вин.) и статуальную семантику каузативно-эмотивного предиката⁷. Актуальность значения наст. вр. декларативных эмотивов обусловлена их немедленной реактивностью и *ты*-каузатором, т. е. соприсутствием участников речевого акта и очень короткой временной дистанцией между «делом» (адресата), с одной стороны, и каузированным «чувством» и «словом» (автора речи), с другой. В высказываниях с *он*-каузатором (типа *Он меня удивляет*) сообщение об эмоции говорящего дескриптивно: не обусловлено непосредственной эмоциональной реакцией на действие, а каузировано сообщением второго участника ситуации речи либо собственным воспоминанием, наст. вр. прочитывается узуально:

*но Хамуцких... меня **поражает**... просто **поражает** своей способностью отдавать сумасшедшие пасы, и делать великолепные скидки... при этом периодически проваливаться полностью и бесповоротно* (форум 2005).

Сравнение двух вариантов каузативно-эмотивной конструкции, используемых для воздействия на адресата в диалоге, показывает, что высказывания с *Я*-каузатором в буд. вр. и его модификации проспективны, акциональны, риторичны; высказывания с *Я*-экспериментером наст. вр. ретроспективны, статуальны, декларативны. Если каузативно-эмотивные высказывания 1-го лица часто обращены к неконкретно-референтному (множественному) адресату, то *ты*-декларативы скорее предполагают конкретно-референтного адресата.

С эмотивными декларативами семантически и функционально сближаются высказывания с *Я*-экспериментером в формах повел. н. сов. в. с отрицанием и прош. сов. в. с перфектным значением, частотные в соцсетях: все они предполагают каузатора 2-го лица. См., например:

*Не пугай меня;
Опять меня повеселили* (Пикабу 2020).

---

⁷ Ср. [Золотова, 2001, с. 157] о двойной роли Вин. п. личных имен в конструкции каузативных эмотивов – «объекта каузирующего воздействия» и «субъекта каузируемого состояния».

Они также локализованы в актуальном времени речи, реактивны, однако лишены непосредственной декларативности, более рассудочны и тем самым отдалены от междометий. Высказывания в повел. н. прямо выражают намерение говорящего остановить речь собеседника, в форме прош. вр. – иронически подводят итог дискуссии и содержат скрытое пожелание закрыть обсуждаемую тему.

Заключение

Семантический потенциал каузативно-эмотивной конструкции состоит в соединении двух типов предикатной семантики – действия и состояния.

Значение действия может актуализироваться в условиях речевого акта при заполнении позиции каузатора личным субъектом 1-го или 2-го лица. Это «продающие слоганы» в повел. н. и риторические речевые рамки 1-го лица буд. вр. Акциональность подобных глаголов повышается, так как каузативный эмотив выступает в паре с акциональным предикатом или замещает его, сохраняя на себе его акциональный след.

Значение состояния в речевом акте связано с Я-субъектом чувствующим и актуальным временем речи. Статуальность каузативно-эмотивного предиката в актуальном настоящем носит перфектный характер, что позволяет сделать вывод о лексико-семантической функционально-речевой обусловленности этого «нетривиального» значения наст. вр.

Несобственно-статуальность значения каузативных эмотивов прош. вр. сов. в. в активных интернет-ссылках связана с неконкретно-референтным статусом субъекта состояния и дистанцированностью говорящего от субъекта состояния.

Эмотивный модус может встраиваться в речевую рамку, способствуя ее разрастанию и реализуя потребность говорящего следовать риторической технике; количественный рост речевой рамки отличает ее от поведения других вербализованных модусов (модус знания, мнения, эмотивный модус).

Исследованные высказывания, организованные каузативно-эмотивными глаголами, обладают манипулятивным потенциалом. Это (1) «продающие слоганы»; (2) активные ссылки-заголовки; (3) риторические эмотивные высказывания; (4) эмотивные декларативы.

Манипулятивный потенциал данных высказываний реализуется в условиях взаимодействия говорящего и адресата: (1–2) побуждение к действию за счет обещания (приятной) эмоции; (3) приписывание адресату речи эмоции и мыслимое управление его эмоцией; (4) декларативное воздействие на адресата речи сообщением о собственной (неприятной) эмоции с целью побудить его изменить поведение. Каузативные эмотивы используются как сильный аргумент, обращенный к эмоции адресата, воздействующий на его личную сферу.

Результаты исследования данных высказываний, большинство из которых выявлено при анализе контента сетевого общения, могут быть привлечены для построения автоматических систем интеллектуального анализа текста, имеющих целью выявление и квалификацию межличностных сетевых взаимодействий.

Список литературы

Апресян В. Ю. Валентность стимула у русских глаголов со значением эмоций: связь семантики и синтаксиса // Русский язык в научном освещении. 2015. № 1. С. 28–66.

- Апресян Ю. Д.* Фундаментальная классификация предикатов и системная лексикография // Грамматические категории: иерархии, связи, взаимодействие: Материалы Междунар. науч. конф. СПб., 2003. С. 7–21.
- Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл. М.: Наука, 1976. 383 с.
- Арутюнова Н. Д.* Типы языковых значений: Оценка, событие, факт / Отв. ред. Г. В. Степанов. М.: Наука, 1988. 341 с.
- Волошинов В. Н. (Бахтин М. М.)* Марксизм и философия языка. М.: Лабиринт, 1993. 196 с.
- Золотова Г. А.* Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 440 с.
- Иорданская Л. Н.* Попытка лексикографического толкования группы русских слов со значением чувства // Машинный перевод и прикладная лингвистика. М., 1970. Вып. 13. С. 3–26.
- Кузнецова С. М.* Системно-синтаксическое описание отагъективных модусных транспозитивов на -о: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2017.
- Магеррамов И. А.* Субъект речи в медиа-тексте и новые функции неречевых глаголов в структуре газетного заголовка // Грамматика и текст (К юбилею Галины Александровны Золотовой). М.: МАКС Пресс, 2011. Вып. 14. С. 474–483.
- Никитина Е. Н.* Признаюсь в текстах и словарях: проблема выбора вида и времени // Изв. РАН ОЛЯ. 2013. Т. 72, №6. С. 47–55.
- Онищенко Н. К.* Вокруг одной строфы из «Евгения Онегина» // «Слово – чистое веселье...»: Сб. ст. в честь Александра Борисовича Пеньковского / Отв. ред. А. М. Молдован. М.: Языки славянской культуры, 2009. С. 221–230.
- Падучева Е. В.* Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
- Падучева Е. В.* Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. 608 с.
- Пекелис О. Е.* Иллокутивное употребление союзов. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. На правах рукописи. М., 2013. URL: <http://rusgram.ru> (дата обращения 23.11.2021).
- Санников В. З.* Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М.: Языки славянских культур, 2008. 624 с.
- Теньер Л.* Основы структурного синтаксиса. М.: Прогресс, 1988. 656 с.
- Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. М.: УРСС, 2001. 624 с.
- Reddy W. M.* Emotional Liberty: Politics and History in the Anthropology of Emotions // *Cultural Anthropology*. 1999. No. 14. P. 256–288.

References

- Apresyan Yu. D. Fundamental'naya klassifikatsiya predikatov i sistemnaya leksikografiya [Fundamental classification of predicates and system lexicography]. In: *Grammaticheskie kategorii: ierarkhii, svyazi, vzaimodeystvie: Materialy Mezhdunar. nauch. konf.* [Grammatical categories: hierarchies, relations, interaction: Proceedings of the International Scientific Conf]. St. Petersburg, 2003, pp. 7–21.
- Apresyan V. Yu. Valentnost' stimula u russkikh glagolov so znacheniem emotsiy: svyaz' semantiki i sintaksisa [Stimulus valency in Russian verbs with the meaning of emotion: relationship of semantics and syntax]. *Russian Language and Linguistic Theory*. 2015, no. 1, pp. 28–66.

Arutyunova N. D. *Predlozhenie i ego smysl* [Sentence and its meaning]. Moscow, Nauka, 1976, 383 p.

Arutyunova N. D. *Tipy yazykovykh znacheniy: Otsenka, sobytie, fakt* [Types of linguistic meanings: Evaluation, event, fact]. G. V. Stepanov (Ed.). Moscow, Nauka, 1988, 341 p.

Iordanskaya L. N. Popytka leksikograficheskogo tolkovaniya gruppy russkikh slov so znacheniem chuvstva [An attempt to interpret a group of Russian psych verbs]. In: *Mashinnyi perevod I prikladnaya lingvistika* [Machine translation and applied linguistics]. Moscow, 1970, iss. 13, pp. 3–26.

Kuznetsova S. M. *Sistemno-sintaksicheskoe opisanie otad"ektivnykh modusnykh transpozitivov na -o*. [Systemic syntactic description of modal transpositives ended in -o derived from adjectives]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Moscow, 2017.

Magerramov I. A. Sub"ekt rechi v media-tekste i novye funktsii nerechevykh glagolov v strukture gazetnogo zagolovka [Speaker in mass media texts and new functions of non-speech verbs in the structure of newspaper headlines]. In: *Grammatika i tekst (K yubileyu Galiny Aleksandrovny Zolotovy)* [Grammar and text (To the anniversary of Galina Alexandrovna Zolotova)]. Moscow, MAKS Press, 2011, iss. 14, pp. 474–483.

Nikitina E. N. Priznayus' v tekstakh i slovaryakh: problema vybora vida i vremeni [Aspectual-temporal form of locutionary verb in a speech act (the problem of selecting aspect and tense)]. *The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language*. 2013, vol. 72, no. 6, pp. 47–55.

Onipenko N. K. Vokrug odnoy strofy iz "Evgeniya Onegina" [On one stanza from "Eugene Onegin"]. In: "*Slovo – Chistoe Vesel'e...*": *Sbornik statei v chest' A. B. Pen'kovskogo* [A word – pure fun: Collected articles in honor of A. B. Pen'kovskii]. A. M. Moldovan (Ed.). Moscow, LRC Publishing House, 2009, pp. 221–230.

Paducheva E. V. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic patterns in lexical semantics]. Moscow, LRC Publishing House, 2004, 608 p.

Paducheva E. V. *Semanticheskie issledovaniya (Semantika vremeni i vida v russkom yazyke; Semantika narrativa)* [Semantic studies (Semantics of time and kind in Russian language; Semantics of narrative)]. Moscow, LRC Publishing House, 1996, 464 p.

Pekelis O. E. *Illokutivnoe upotreblenie soyuzov. Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoy grammatiki. Na pravakh rukopisi* [Illocutionary use of conjunctions. Materials for the corpus description project of Russian grammar. On the rights of manuscript]. Moscow, 2013. URL: <http://rusgram.ru> (accessed: 23.11.2021).

Reddy W. M. Emotional Liberty: Politics and History in the Anthropology of Emotions. *Cultural Anthropology*. 1999, no. 14, pp. 256–288.

Sannikov V. Z. *Russkiy sintaksis v semantiko-pragmaticheskom prostranstve* [Russian syntax in the semantic-pragmatic space]. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur, 2008, 624 p.

Shakhmatov A. A. *Sintaksis russkogo yazyka* [Syntax of Russian language]. Moscow, URSS, 2001, 624 p.

Tesniere L. *Osnovy strukturnogo sintaksisa* [Elements of Structural Syntax]. Moscow, Progress, 1988, 656 p.

Voloshinov V. N. (Bakhtin M. M.) *Marksizm i filosofiya yazyka* [Maxism and the philosophy of language]. Moscow, Labirint, 1993, 196 p.

Zolotova G. A. *Sintaksicheskii slovar': Repertuar elementarnykh edinits russkogo sintaksisa* [Syntactic dictionary: Russian syntax elementary units repertoire]. Moscow, Editorial URSS, 2001, 440 p.

Информация об авторах

Елена Николаевна Никитина, кандидат филологических наук
Researcher ID AAD-4203-2022

Надежда Константиновна Оніпенко, кандидат филологических наук, доцент

Information about the authors

Elena N. Nikitina, Candidate of Philology

Researcher ID AAD-4203-2022

Nadezda K. Onipenko, Candidate of Philology, Associate Professor

*Статья поступила в редакцию 09.11.2021;
одобрена после рецензирования 29.11.2021; принята к публикации 29.11.2021
The article was submitted 09.11.2021;
approved after reviewing 29.11.2021; accepted for publication 29.11.2021*